

ЧЕРТЫ

ИЗЪ ЖИЗНИ

ПРЕСТУПНИКОВЪ.

(Наблюденія очевидца).

И. Нусебаума.

Посвящается „Бывшимъ Людямъ“.

(М. Горькаго).

ЖИТОМІРЪ.

Типо-Литографія Я. М. Дубинскаго, Б.-Бердич. 22.

1900.

Дозволено цензурою. Одесса. 31 Августа 1900 г.

Можно найти и тамъ въ рудникахъ, подъ землей, рядомъ съ собою, въ такомъ же каторжномъ и убійцѣ человѣческое сердце, и сойтись съ нимъ, потому что и тамъ можно жить и любить, и страдать! Можно возродить и воскресить въ этомъ каторжномъ человѣкѣ замерзшее сердце, можно ухаживать за нимъ годы и выбить, наконецъ изъ вертепа на свѣтъ ужъ душу высокую, страдальческое сознаніе, возродить ангела, воскресить героя! А ихъ вѣдь много, ихъ сотни, и всѣ мы за нихъ виноваты! Зачѣмъ мнѣ тогда приснилось „дите“ въ такую минуту? „Отчего бѣдно дите.“ Это пророчество мнѣ было въ ту минуту! „За дите“ и пойду. Потому что всѣ за всѣхъ виноваты (*Достоевскій. Братья Карамазовы, стр. 700*).

Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе, спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе, кто знаетъ? Эти люди, можетъ быть вовсе не до такой степени хуже тѣхъ остальныхъ, которые остались тамъ, за острогомъ. Я думалъ это и самъ качалъ головой на свою мысль, а между тѣмъ,—Боже мой!—если-бъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой. (*Его-же Записки изъ мертваго дома, стр. 71.*)

1948

1949

1950

1951

1952

1953

Faint, illegible text in the bottom left corner, possibly bleed-through from the reverse side of the page.

По мнѣнію Ломброзо преступникъ—человѣкъ, лишенный чувства благожелательности, привязанности, совѣсти и т. д.

Рядъ личныхъ наблюденій убѣждаетъ меня въ противоположномъ.

Я писалъ на этапахъ арестантамъ письма, проникнутыя тихой грустью по родинѣ, по любимымъ и близкимъ людямъ. Я видѣлъ, какъ преступникъ послѣдній рубликъ посылалъ на родину матери или сестрѣ. Не разъ преступникъ упрашивалъ жену оставаться ему вѣрной или диктовалъ мнѣ слова утѣшенія матери.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе взгляда на преступника, какъ на звѣря. Я жилъ сравнительно долгое время среди преступниковъ—убійцъ, конокрадовъ, мошенниковъ и т. п.—и утверждаю, что ни одного изъ нихъ нельзя назвать неисправимымъ, ни одного не знаю, которому опасно было бы дать возможность взять свою судьбу въ собственныя руки, поставивъ его, конечно, не въ такія условія,

которыя съ непреодолимой силой толкають на преступленіе.

Въ настоящемъ очеркѣ я намѣренъ сообщить нѣсколько фактовъ изъ моихъ наблюденій надъ жизнью преступниковъ, факты, которые съ наглядностью опровергаютъ положеніе антропологической школы уголовного права: преступникъ звѣрь не поддающийся гражданственности, неисправимъ и тщетно ищемъ мы на днѣ душевнаго мрака преступниковъ свѣтлыя черты.

Въ Якутской области теперь живетъ извѣстный въ Россіи аферистъ, лишенный всѣхъ правъ состоянія и судившійся въ первый разъ за неизвѣстное мнѣ преступленіе, во второй разъ за побѣгъ изъ Сибири въ Россію и сбытъ фальшивыхъ бумагъ. Этому то аферисту я предъ отъѣздомъ въ Россію далъ 125 рублей, чтобы онъ зашилъ ихъ мнѣ въ боковой карманъ жилета. Онъ могъ вмѣсто денегъ зашить простую бумагу, ибо меня при этомъ не было. Въ Иркутскѣ мнѣ понадобились деньги и я, разрѣзавъ карманъ, лишній разъ убѣдился въ томъ, что пре-

ступникъ очень рѣдко злоупотребить довѣріемъ того, кто безусловно и безкорыстно довѣрился ему.

Въ г. Виллюйскѣ (Якутск. обл.) живетъ уже нѣсколько лѣтъ молодой человѣкъ, занимающійся мелочной торговлей, пользующійся кредитомъ и уважаемый туземцами. Сосланъ онъ на двадцатомъ году жизни съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія за „профессію карманщика“. Съ малыхъ лѣтъ его систематически развращали и подготовляли къ промыслу вора. Разкажемъ о своей судьбѣ, своемъ дѣтствѣ онъ могъ-бы растрогать наиболѣе предубѣжденныхъ противъ преступниковъ лицъ. Теперь, повторяю, этотъ ссыльный живетъ вполне корректно и горько оплакиваетъ свое преступное дѣтство. Винить во всемъ среду. Особенно жалѣетъ, что грамоты не знаетъ и старается научиться хоть писать и читать „романы и газеты“.

На одномъ этапѣ между Красноярскомъ и Иркутскомъ у арестанта А. обвиненнаго въ изнасилованіи украли 10 руб., изъ коихъ 5 руб. принадлежали ему, а 5 отданы были ему на

храненіе товарищемъ—арестантомъ. Я видѣлъ, что эта промажа сильно подѣйствовала на А., который сквозь слезы говорилъ мнѣ: „ мнѣ не жалко своихъ пяти руб., но послѣднія деньги товарища мнѣ покою не даютъ и я бы душу чорту заложилъ, лишь-бы имѣть возможность возвратить товарищу его деньги“. Я предложилъ А. три своихъ рубахи, совѣтовалъ продать ихъ и вырученныя деньги возвратить товарищу. Но А., поблагодаривъ меня за желаніе оказать ему посильную помощь, отказался отъ моего предложенія, говоря, что не считаетъ себя въ правѣ злоупотреблять моею добротой.

Этотъ-же преступникъ сказалъ мнѣ: „по выходѣ на свободу я постараюсь зарабатывать кусокъ хлѣба честнымъ путемъ, если же это мнѣ не удастся, то я поступлю въ шайку головорѣзовъ“.

Кто виноватъ?

Въ нашей партіи было много убійць, но болѣе всѣхъ обращали на себя вниманіе своимъ смирнымъ и хорошимъ поведеніемъ двое убійць, судившихся за убійство татар-

ской семьи въ 9 душъ. Одному изъ нихъ смертная казнь замѣнена иркутскимъ генераль-губернаторомъ безсрочной каторгой, другой-же судомъ приговоренъ къ послѣднему наказанію. Этихъ двухъ убійцъ арестантскій староста ставилъ другимъ преступникамъ въ примѣръ. На одномъ этапѣ не стало у этихъ двухъ преступниковъ хлѣба и я предложилъ имъ имѣвшуюся у меня краюшку. Они отказались взять ее, говоря: „до слѣдующаго этапа негдѣ будетъ достать хлѣба и вамъ придется голодать, если намъ отдадите свою порцію, ужъ лучше мы сами поголодаемъ, кромѣ того вы за деньги не дадите, а безъ денегъ не возьмемъ“.

Преступникъ Д., лишенный всѣхъ правъ состоянія. Однажды жертвой его „тонкихъ продѣлокъ“ долженъ былъ сдѣлаться богатый купецъ. Но случайно узнавъ про какой-то благородный поступокъ купца, Д. отказался отъ своего злого намѣренія, говоря, что считаетъ безсовѣстнымъ надуть добраго человѣка.

Въ Якутскѣ живетъ уже лѣтъ 20 ссыль-

ный Б. Онъ хорошо воспитываетъ дѣтей (одна дѣвушка обучается въ Якутской прогимназіи). Когда ни заговоришь съ нимъ о Россіи, онъ непременно вспомнить, глубоко вздыхая, сестру своей жены. Дѣло въ томъ, что когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, сестра его жены, закладывая послѣднія свои платья, носила ему на вырученныя деньги обѣды. Онъ этого забыть не можетъ и много-бы далъ, чтобы узнать ея адресъ и возвратить ей сто-рицей оказанную ему помощь.

Я зналъ въ Вилюйскѣ одного преступника Н., уроженца Томской губерніи, по ремеслу—красильщика. Жилъ онъ съ чужой женой, которая бѣжала отъ побоевъ мужа и послѣдовала за Н. въ ссылку. Честнымъ трудомъ они успѣли скопить себѣ нѣсколько сотъ рублей. Такъ какъ у нихъ не было дѣтей, то они усыновили мѣсячную дѣвочку другого ссыльнаго. Когда я познакомился съ этой семьей, дѣвочкѣ было уже лѣтъ восемь, ее обучали грамотѣ. Нашъ преступникъ мечталъ по возвращеніи на родину отдать дѣвочку въ гимназію и—по его выраженію—сдѣлать ее настоящей барышней.

Я зналъ четырехъ братьевъ конокрадовъ. Въ Вилюйскѣ они брали у купцовъ товаръ въ кредитъ и развѣзжали „по якутамъ“. Предъ окончаніемъ срока ссылки они стали помышлять о томъ, чтобы двумъ купцамъ не уплатить сполна, а третьему—все за то, что онъ однажды спасъ ихъ отъ убытка, одолживъ имъ 200 рублей, совершенно безкорыстно.

На баржѣ нагруженной арестантами, не доходя по р. Ленѣ нѣсколько верстъ до Якутска, обнаружилась пропажа двухъ или трехъ серебряныхъ ложекъ, принадлежавшихъ одному бѣдному преступнику, обремененному большимъ семействомъ. Двое преступниковъ заподозрили въ этой кражѣ своего третьяго товарища (они составляли триумvirатъ). Надо было видѣть съ какимъ негодованіемъ, озлобленіемъ набросились они на него. На голову товарища посыпались не только крѣпкая, соленая русская ругань, но и здоровенныя банки (тумаки).•Пріятно было видѣть волненіе преступниковъ, вызванное предосудительнымъ поступкомъ своего товарища. А предосудительность заключалась въ

томъ, что обокраденъ во-первыхъ свой, во-вторыхъ бѣднякъ.

На одномъ этапѣ украли у одного арестанта 15 рублей. Все этапное населеніе пришло въ движеніе,—словно въ первый разъ мои спутники—пуритане узнали, что люди обкрадываютъ другъ друга *въ той или другой формѣ.*

Когда волненіе мало по малу улеглось, болѣе благоразумные пытались объяснить эту кражу слѣдующимъ образомъ: кормовыхъ выдаютъ всего 10 коп. въ сутки, а одинъ фунтъ черстваго хлѣба стоитъ на послѣднихъ этапахъ 8 коп.

Да, голодъ и отчаяніе загоняютъ людей въ ряды преступниковъ, дѣлаютъ невозможнымъ возвращеніе къ честной жизни и даже заставляютъ совершать преступленія исключительно съ цѣлью попасть въ тюрьму, къ которой настолько привыкаютъ, что внѣ ея чувствуютъ себя, какъ на чужбинѣ.

Я зналъ въ александровской каторжной тюрьмѣ (въ 70 верстахъ отъ Иркутска) двухъ арестантовъ, которые дня три до окончанія

срока заключенія покушались на побѣгъ исключительно съ цѣлью быть присужденными за таковое покушеніе къ дальнѣйшему заключенію и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ, гдѣ нѣтъ у нихъ ни хлѣба, ни крова.

* *
*

Вотъ образцы тѣхъ мытарствъ, которыя представляетъ собой этапный путь.

Въ нашей партіи находился арестантъ — больной старикъ, лѣтъ 60. Онъ былъ совершенно лишень возможности ходить, скорѣе походилъ на скелетъ, чѣмъ на живого человѣка и вызывалъ жалость во всѣхъ, даже самыхъ закоренѣлыхъ злодѣяхъ, которые на каждомъ этапѣ сажали и снимали его съ подводы, не переставая роптать на то, что этотъ несчастный старикъ закованъ въ ножные кандалы. Когда я обратилъ вниманіе конвойнаго офицера на этотъ чудовищный фактъ, на то что по закону безногіе старики освобождаются отъ оковъ, то онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ самъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что это не его вина, а вина врача, на обязан-

ности котораго лежитъ свидѣтельствовать арестантовъ предъ отправкой ихъ въ путь и освобождать больныхъ отъ оковъ. Онъ же т. е. конвойный офицеръ не въ правѣ снять кандалы, такъ какъ въ статейномъ спискѣ значится „такой то слѣдуетъ въ кандалахъ“.

Въ тюремной больницѣ г. Ачинска лежалъ нѣсколько дней больной преступникъ. Въ одно очень скверное утро врачъ выписалъ его, какъ здороваго, могущаго слѣдовать съ партіей въ мѣсто ссылки. На первый-же этапъ, отстоящій отъ названнаго города въ 20 верстахъ, мы привезли „здороваго больного“ мертвымъ. Это произвело удручающее впечатлѣніе на всю партію и долго „злодѣи“ говорили о безсердечіи врача.

Не доходя нѣсколько верстъ до одного этапа, одинъ арестантъ сталъ сильно отставать. Арестантскій староста, на обязанности котораго лежитъ соблюденіе порядка, началъ его бить и подталкивать. Я заступился. Не смотря на протесты и угрозы со стороны старосты я побѣдилъ; несчастнаго, исхудалаго арестанта посадилъ на свою подводу

и староста принужденъ былъ оставить его въ покоѣ. Видя, что симпатіи партіи всецѣло на моей сторонѣ, староста не только забылъ о своемъ обѣщаніи зарѣзать меня, но даже нашелъ нужнымъ оправдаться: дескать, онъ отвѣтственъ предъ начальствомъ, если партія не въ порядкѣ.

* *
*

Вамъ очень холодно? спросилъ я одного арестанта по пути слѣдованія въ Сибирь, видя, что онъ старается весь уйти въ арестантскій халатъ.

Да, зябну: пойдн теперь градусовъ 40.

А издалека, товарищъ?

Нѣтъ, изъ Иркутска. Я служилъ тамъ въ солдатахъ, но узнавъ, что жена моя измѣняетъ мнѣ, я явился ночью въ деревню и зарѣзалъ ее.

Поражалъ меня въ данномъ случаѣ не фактъ убійства жены (подобные печальные факты слишкомъ часто повторяются), а тотъ убійственно равнодушный тонъ, съ которымъ онъ мнѣ повѣдалъ о своемъ преступленіи.

При всемъ томъ это вовсе не былъ испорченный человѣкъ, съ которымъ опасно встрѣчаться въ лѣсу tête à tête. Нѣтъ, это былъ самый обыкновенный, добродушный и ограниченный человѣчекъ въ арестантскомъ халатѣ. Не измѣни ему жена, не пойдн онъ въ солдаты, онъ могъ бы остаться всю жизнь „не преступникомъ“, тихо и спокойно жить въ деревнѣ на лонѣ природы. Въ партіи онъ велъ себя тихо, спокойно, ни съ кѣмъ не задиралъ.

Убийство совершено было имъ не подъ вліяніемъ аффекта патологическаго (Отелло) или физиологическаго (Позднышевъ), аффекта, уничтожающаго всякую произвольную умственную дѣятельность и сопровождаемаго временнымъ большимъ или меньшимъ истощеніемъ психическихъ и физическихъ силъ (см. Боткинъ. Преступный аффектъ какъ условіе невмѣняемости. „Позднышевъ не можетъ вспомнить убилъ или не убилъ онъ жену? Отелло трижды произноситъ слово „жена“, чтобы понять это слово.) Онъ просто не понималъ, какъ можно не убить жену,

измѣнившую ему. Власть тьмы.

* *
*

Зналь я одного преступника еврея. Ему теперь лѣтъ 50, сосланъ лѣтъ 20 тому назадъ за... оскотленіе жены. Уличивъ ее въ измѣнѣ, онъ ночью оскотилъ ее, поговаривая при этой ужасно—варварской операциі „ну, теперь измѣнять не станешь“ Зная хорошо этого полудиота, мнѣ кажется страннымъ назвать его преступникомъ. Онъ въ теченіи всей своей жизни, включая 20 лѣтъ ссылки, не только не совершилъ ни одного преступленія (кромѣ названнаго), но самъ представлялъ собой объектъ правонарушеній: пользуясь его непроходимой глупостью, его эксплуатируютъ, дурачатъ, объегориваютъ.

Вотъ еще типикъ. Онъ служилъ нѣсколько лѣтъ на мельницѣ за самое минимальное вознагражденіе. Хозяинъ мельницы, не нуждаясь болѣе въ немъ, уплатилъ слѣдовавшіе ему нѣсколько рублей, но при этомъ пошутилъ надъ нимъ сказавъ, что не додалъ ему 15 копѣекъ. Нашъ „преступникъ“, не зная значенія монетъ, не зная много ли или

мало ему не додали, сильно разсердился и обѣщаль поджечь мельницу, что въ самое короткое время и привелъ въ исполненіе. За таковой поджога его приговорили къ арестантскимъ ротамъ и затѣмъ приговоромъ общества сосланъ въ Сибирь. Это былъ самый смиренный, безобидный мужичекъ, котораго, кто только въ Бога вѣрилъ, надувалъ. Съ кормовыми, которыя каждый день выдавались въ размѣрѣ 10 копѣекъ, онъ обращался ко мнѣ или къ одному своему односельчанину съ безмолвной просьбой купить ему съѣстныхъ припасовъ у торговокъ, приходящихъ на каждый этапъ. Онъ могъ взять одно яйцо за копѣйку и отдать всѣ десять, не зная много или мало далъ, слѣдуетъ ли ему получить сдачу или нѣтъ. Всякую работу исполнялъ охотно. Чувство благодарности было въ немъ сильно развито и онъ какъ то инстинктивно льнулъ къ правдивому человѣку, какъ вѣрная собака къ доброму хозяину.

* *

*

Большинство преступниковъ, даже самые озлобленные, загнанные, измученные

своей суровой судьбой довольно охотно и откровенно рассказывают тѣмъ, которые произвели на нихъ хорошее впечатлѣніе, о своихъ похожденияхъ, о своемъ скорбномъ дѣтствѣ и т. д. Они, за исключеніемъ изнасилвателей, рѣдко отрицаютъ фактъ совершенія ими тѣхъ или иныхъ преступленій.

Слушая же изнасилвателей, невольно приходитъ на умъ: не игнорируютъ ли судьи слѣдующія правдивыя и основательныя слова Лохвицкаго: малѣйшее колебаніе женщины, говоритъ онъ, дѣлаетъ ее соучастницей преступленія, даетъ знать мужчинѣ, что ему сопротивляются только для вида и приглашаетъ его продолжать усилія...

* *
*

Не разъ подмѣчалъ я одну общую многимъ преступникамъ черту: жажду посмѣяться и даже надругаться надъ новичкомъ.

* *
*

На одномъ этапѣ, между Красноярскомъ и Иркутскомъ, наша партія столкнулась съ „обратной“ партіей, т. е. съ каторжными и ссыльными, возвращающимися, по отбытіи

наказанія на родину. Ихъ было, кажется, пять человѣкъ. Ночью они пѣли:

У старушонки деньги есть—

Ошарашить—да и баць!

Трое были въ полной увѣренности, что не засидятся долго на родинѣ и не надолго оставляютъ каторгу и ссылку. Одинъ изъ нихъ говорилъ мнѣ: „дудки, теперь каторга для меня не страшна!“

* *
*

Смотри, какая лакомка виднѣется въ томъ окнѣ!

Что ты, сорванецъ, понимаешь—поди въ первый разъ слѣдуешь въ ссылку. Теперь, ухъ, какія строгости пошли на счетъ бабъ, раньше всѣ вмѣстѣ ходили—холостые, семейные, дѣвки, бабы—одинъ рай былъ.

Поди---мужья ревновали?!

Плевое дѣло! Пикнуть не смѣли—уко-кошаты.

Эхъ, кабы теперь такъ было!

И теперь такъ было бы, если-бы наша

„шпана“ не слишкомъ много воли дала себѣ. Кабы не беспорядки и убійства изъ ревности или просто сдуру, то до сихъ поръ препадали намъ лакомые куски.....

* *
*

Вліяніе религіи на нравственность очень незначительно, говоритъ Шопенгауеръ и многіе другіе

Подтверженіи этому положенію находимъ, наблюдая преступниковъ.

П...—человѣкъ, проливающій кровь также равнодушно, какъ воду. По отбытіи каторжныхъ работъ сосланъ въ Якутскую область. Здѣсь онъ не одно убійство совершилъ, но благодаря своему природному уму, проныцательности и остроумію каждый разъ выходитъ сухой изъ воды. Онъ прекрасно знаетъ Евангеліе и цитатами изъ св. писанія старается убѣдить окружающихъ въ истинности секты „безпоповщины“. Проповѣдью очень увлекается. Проповѣдуетъ не только ученіе своей секты, но и мораль.

Невольно вспомнишь основательныя сло-

ва Лестера Уорда: полезнѣе учить преступниковъ астрономіи, чѣмъ этикѣ. *)

Я жилъ больше мѣсяца въ татарской семьѣ, состоящей изъ отца, жены, троихъ сыновей и дочери. Не знай я, что глава семейства—старикъ лѣтъ 55—сосланъ за конокрадство и убійство, что онъ слыветъ въ окрестностяхъ человѣкомъ опаснымъ,—я наврядъ-ли подумалъ-бы, что живу въ семьѣ преступника: миръ, спокойствіе и повиновеніе царили здѣсь. Лѣтомъ вся семья дружно работаетъ на полѣ, зимой торговлей занимается и соблюдаетъ всѣ обряды по корану. Мясо ѣдятъ только своего убоя, совершаемаго обязательно при закатѣ солнца.

Грѣшно тебѣ курить! съ этимъ упрекомъ обратился къ молодому убійцѣ старикъ-сектантъ (кажется еедосѣвецъ), ссылаемый за убійство съ цѣлью грабежа.

* *
*

Въ „братяхъ разбойникахъ“ прекрасно обрисовывается происхожденіе преступности: сначала сиротство и одиночество, отсутствіе

*) См. Психическіе факторы цивилизаціи.

дѣтскихъ радостей, затѣмъ нужда, презрѣніе окружающихъ, потомъ „зависти жестокое мученіе“, наконецъ забвеніе робости и... совѣсть отогнана прочь!

Мы думаемъ, что эта теорія преступленія вѣрна даже тогда, когда имѣемъ дѣло съ преступниками, которые съ какой то фатальной необходимостью совершаютъ одно преступленіе за другимъ.

Припоминаю преступника Дергачева. Не знаю за какое преступленіе онъ сосланъ изъ Россіи въ Вилюйскъ, откуда его отправили въ село „Нюрба“, отстоящее отъ Вилюйска въ 240 в. По пути отъ Вил. до Нюрбы онъ по весьма пустому поводу ранилъ ножомъ якута—ямщика. Прибывъ на мѣсто онъ изнасиловалъ 14-лѣтнюю уродливую якутку. Онъ упорно отрицалъ свою виновность, но такъ какъ всѣ обстоятельства дѣла говорили въ пользу его виновности, то слѣдователь отправилъ его обратно въ Вилюйскъ для содержанія въ караульномъ домѣ впредь до прибытія сессіи Якутскаго окружного суда. По пути слѣдованія ему удалось обогнать

старика—конвоира на нѣсколько верстъ и встрѣтивъ въ двухъ верстахъ отъ почтоваго станка молодую, здоровую якутку, бросился на нее, повалилъ на землю и покушался изнасиловать ее. Только крики случившейся тутъ-же другой якутки спасли ее отъ потери невинности, а можетъ и отъ смерти, такъ какъ изнасилованіе очень часто сопровождается убійствомъ.

Окружный судъ оправдалъ Дергачева, такъ какъ изнасилованіе принадлежитъ къ преступленіямъ частно уголовнаго характера и преслѣдованіе можетъ послѣдовать только по жалобѣ потерпѣвшихъ, а таковой жалобы при дѣлѣ не оказалось.

Оправданнаго возвратили обратно въ Нюрбу.

Не прошло и мѣсяца со дня оправданія и я опять увидѣлъ его въ вилюйскомъ караульномъ домѣ. Теперь онъ обвинялся въ убійствѣ и истязаніяхъ жены одного якута, пользовавшейся очень дурной репутаціей.

Скажите, Дергачевъ, сколько преступлений вы совершили на своемъ вѣку?

Много! лаконически отвѣтилъ онъ.

Почему вамъ не сидится спокойно?

Пьянство все губить. Судьба, видно, такая.

* *
*

„Рысаками“ на арестантскомъ языкѣ называются тѣ преступники, которыхъ сразу тянетъ во всѣ четыре стороны. Сообщаю мои наблюденія надъ однимъ изъ такихъ рысаковъ.

Въ теченіе какихъ нибудь двухъ мѣсяцевъ онъ успѣлъ побывать въ различныхъ мѣстахъ Вилюйскаго округа то въ качествѣ учителя (самъ малограмотный), фельдшера, ветеринара, переплетчика, цирюльника, то—жениха. Онъ обѣщалъ якуткѣ—вдовѣ жениться на ней и она его кормила, какъ будущаго мужа. Но недолго продолжалось блаженство. Оставшись наединѣ съ десятилѣтней дочкой якутки, онъ покушался изнасиловать ее. Дѣвочка рассказала матери и послѣдняя прогнала его.

Наскучивъ вилюйской жизнью, онъ началъ помышлять оперекочевкѣ въ Якутскъ, куда въѣздъ ему запрещенъ былъ. Изъ помѣще-

нія Виллюйскаго Полицейскаго управленія украли ночью 26 гербовыхъ марокъ. Нашъ молодецъ является къ судебному слѣдователю съ повинной: дескать онъ совершилъ эту кражу. Такъ какъ всѣ обстоятельства говорили противъ возможности совершенія имъ даннаго преступленія, то слѣдователь не нашелъ нужнымъ арестовать его.

„Сорвалось“—произнесъ онъ при выходѣ изъ камеры слѣдователя.

Еще черезъ нѣсколько дней онъ опять явился съ повинной: корову укралъ. И это оказалось неправдой.

Наконецъ онъ такъ надоѣлъ Виллюйскому начальству, что его отправили въ Якутскую тюрьму—*на отдыхъ*, по выраженію арестантовъ.

* *
*

Въ нашей партіи арестантовъ одинъ убійца покончилъ жизнь самоубійствомъ. По совершеніи убійства, съ цѣлью грабежа, имъ овладѣло сильное раскаяніе. Дня три онъ скитался въ лѣсу, кровь убитаго преслѣдовала его день и ночь, какъ Макбета тѣнь

Банко. Подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти онъ явился въ полицію съ повинной и, осужденный на каторгу, наложилъ на себя руки по пути слѣдованія въ Сибирь.

Но это исключеніе. Большинство убійць не знаетъ раскаянія.

Я спросилъ нѣсколькихъ убійць, почему они не ограничиваются убійствомъ взрослыхъ, а убиваютъ и дѣтей—пяти, шести—лѣтнихъ.

Чтобы не быть уличенными ими! послѣдовалъ лаконическій отвѣтъ.

„А вдругъ, въ то время, какъ Епифанъ примется ломомъ вышибать желѣзную дверку, барышня проснется. Что тогда?... Неужто Епифанъ покончить съ нею тѣмъ же ломомъ? Все ей теперь представилось отчетливо какъ будетъ дѣло, если, паче чаянія, произойдетъ тревога. Другого исхода нѣтъ Епифану, какъ всадить барышнѣ ножъ въ горло.. Такъ всегда бываетъ—хотятъ грабить не затѣмъ, чтобы рѣзать, а рѣзнуть по надобности, чтобы не быть пойманымъ“
(*Боборыкинъ. У плиты.*)

Словомъ деньги—виновникъ всѣхъ преступленій, источникъ всего жестокаго и грязнаго.

Чѣмъ и какъ объяснить убійство младенцевъ въ колыбели?

Такое убійство случается очень и очень рѣдко и тотъ, кто совершаетъ подобное убійство—не преступникъ, а помѣшанный

* *
*

Добрая половина всѣхъ арестантовъ нашей партіи были рецидивистами, слѣдовавшими въ Сибирь въ 4—5-й разъ. Я зналъ одного очень изнуреннаго преступника, который уже лѣтъ 15 кочуетъ изъ тюрьмы въ тюрьму. Кончится срокъ тюремнаго заключенія—онъ поживетъ на свободѣ мѣсяца два-три и опять въ „дядинъ домъ“, гдѣ онъ, благодаря долгому скитанію и знанію „правилъ арестантскаго быта“, считается „Иваномъ“, т. е. привилегированнымъ. Ему уже не придется спать подъ нарами, на грязномъ полу, надъ нимъ не будутъ товарищи насмѣхаться—вѣдь онъ не новичекъ, не „хвосторѣзь“, т. е. общественникъ, а „Иванъ“.

Объясняютъ „Иваны“ свою привязанность къ тюремной и этапной жизни очень просто: „ремесла и грамоты не знаемъ, и къ тому же такъ глупо созданы, что безъ хлѣба жить не можемъ, а въ тюрьмѣ хлѣба даютъ вдоволь, да и веселѣе со своими“

Переводимъ это объясненіе рецидива на языкъ ученыхъ криминалистовъ и тюремновѣдовъ: слабое развитіе института патроната для выходцевъ изъ тюрьмы является одной изъ главныхъ причинъ рецидива.

Но мы спѣшимъ карать, а не предупреждать и этимъ уподобляемся, по прекрасному выраженію великаго утописта Т. Мора, плохому учителю, который охотнѣе бьетъ своихъ учениковъ, чѣмъ обучаетъ.

300 лѣтъ тому назадъ онъ писалъ: „самое страшное наказаніе не удержать отъ воровства того, для котораго воровство является единственнымъ средствомъ спастись отъ голодной смерти. Подвергаютъ воровъ ужаснымъ пыткамъ. Не лучше ли было бы, если бы всѣмъ членамъ общества обезпечить средства существованія, дабы никто не поставленъ былъ въ необходимость воровать и быть за это казненнымъ“. *)

Отсутствіе общественной помощи въ борьбѣ за возвращеніе на путь честной жизни напоминаетъ мнѣ слѣдующее мѣсто изъ сочиненія Карлейля:

*) Утопія.

„Четвереногіе! я не имѣю больше работы для васъ, но труда, какъ вамъ извѣстно, существуетъ очень много по всему бѣлому свѣту; конечно, вы знаете (или я долженъ вамъ читать лекціи по политической экономіи), что паровая машина въ концѣ концовъ создаетъ добавочную работу, кромѣ того желѣзныя дороги строятся въ одномъ мѣстѣ, каналы пролагаются въ другомъ и вообще много требуется извоза въ разныхъ мѣстахъ Европы, Азии, Африки и Америки и, я не сомнѣваюсь, вы найдете себѣ легко работу. Итакъ, ступайте лошади искать себѣ извоза. Прощайте, желаю вамъ добраго пути“. Слушатели ржаніемъ выражаютъ свое сомнѣніе, давая понять, что Европа, Азія, Африка, Америка лежатъ внѣ ихъ достиженія, да и нуждаются ли гдѣ нибудь въ извозѣ—въ этомъ они не вполне увѣрены. Въ заключеніе эти лошади могутъ не найти никакого извоза и потому припустятся искать себѣ пищи вдоль большихъ дорогъ, огороженныхъ направо и налево. Въ концѣ концовъ подъ вліяніемъ голода онѣ перепрыгнутъ черезъ эти ограды, начнутъ поѣдать чужую собственность и... мы знаемъ остальное..., охъ не веселая шутка, господа! *)

* *
*

Желая знать мнѣніе преступниковъ о причинахъ преступности я излагалъ имъ наивозможно популярнѣе главныя положенія итальянской антропологической школы уголовного права. И чтожь? Только два—три преступника склонны были согласиться съ Ломброзо, говоря: „вѣрно, вѣрно—мы и родились собаками“, остальные-же человекъ двадцать рѣшительно высказались противъ теоріи, полагающей,

*) Цитирую по Янжулу: свобода торговли.

что преступникъ выходитъ изъ утробы матери съ пожомъ въ рукахъ, что каждый преступникъ отличается тѣлесными и душевными признаками то дикаря, то помѣшаннаго и т. д.

Взгляды преступниковъ на генезисъ преступности совпадаютъ съ таковыми соціальной школы. По ихъ мнѣнію не существуетъ особаго предрасположенія къ учиненію наказуемыхъ дѣяній, только воспитаніе, среда, жизненная судьба, внѣшнія условія—фабрикують преступниковъ.

Все поводъ къ искушенью,

Все дразнить и язвить

И руку къ преступленью

Нетвердую манить

Некрасовъ.

Дѣйствительно, восходя выше въ прошлое преступниковъ, наталкиваешься на такія зловѣщія условія—нищета и сонутствующее ей органическое оскудѣніе, заброшенность, систематическое развращеніе и т. д. при которыхъ не сдѣлаться преступникомъ не представляется никакой возможности.

*
* *

За мной—миръ слезъ, страданіи и мученіи,
 За мной скорбь безъ грани, безъ конца.
 За мной—миръ падшихъ душъ и привидѣній
 Оставьте надежду, вы входящіе сюда.

Данте. Адъ.

Слушая рассказы преступниковъ объ ихъ прошломъ убѣждаешься въ томъ, что въ описаніяхъ нашихъ писателей дѣтства заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей нѣтъ ни одной іоты преувеличенія.

Вотъ какъ Михайловъ, Горькій и Потапенко описываютъ среду, въ которой вырастаютъ, живутъ будущіе преступники.

Подобранные въ сырыхъ подвалахъ, на темныхъ чердакахъ, среди кабачныхъ оргій, брошенные пьяными отцами и голодными матерями, выросшіе среди грязи и разврата темныхъ угловъ, уже знающіе всѣ мерзости и тайны трущобной жизни, надѣленные съ дѣтства задатками будущихъ страшныхъ недуговъ: чахотки, золотухи, ревматизма, готовящіеся въ будущемъ встрѣтить нужду, непосильный трудъ, грубое обхожденіе, быть можетъ, преждевременную смерть въ больницѣ или каторжную жизнь въ домахъ терпимости; эти люди—дѣти. *)

Въ этой канавѣ, полной кипящей грязи, полной оглушающаго шума и циничныхъ рѣчей, всегда шныряли и возились дѣти—дѣти всѣхъ возрастовъ, но одинаково грязныя, голодныя и развращенныя. Они бѣгали тутъ съ утра до ве-

*) *Лѣсъ рубятъ—щепки летятъ. 28 стр.*

чера, существуя на счетъ доброты торговокъ и ловкости своихъ маленькихъ рукъ, а ночью спали гдѣ нибудь подъ воротами, подъ ларемъ пирожника, въ углубленіи подвального окна. Съ разсвѣтомъ эти тощія жертвы рахитизма и скрофулеза уже были на ногахъ, чтобы снова воровать вкусные и цѣнные куски пищи и выпрашивать негодные для продажи. Чьи это были дѣти? Всѣхъ!.. *)

Ничего отраднaго не было въ этой жизни.

Помнить онъ себя ребенкомъ, помнить мать, которая всегда плакала и ходила съ синяками, отца, который вѣчно былъ пьянъ, колотилъ и его и ее. Потомъ, когда ему стало лѣтъ девять, его отдали къ мастеру обучаться сапожному ремеслу. Изъ этого времени онъ помнить только одно,—что его здѣсь продолжали бить также, какъ и дома; но кромѣ того еще онъ помнить тоску и одиночество, которыя тогда привязались къ нему на всю жизнь. Потомъ всѣ его родные перемерли, у него не стало матери, единственнаго существа, которое его любила, да и отца ему было жаль, хотя онъ за всю жизнь не сдѣлалъ ему ничего добраго. Мастерство ему не удалось... Изъ мастерской его скоро выгнали и онъ очутился на улицѣ. Вотъ тутъ—то началась та жизнь, которая потомъ ужъ никогда не мѣнялась на другую. Голодъ заставилъ его изобрѣтать средства—отыскать что нибудь для пропитанія. Оборванный, исхудалый, дикій на видъ, онъ не могъ найти себѣ работы. Онъ попалъ въ общество такихъ—же оборванцевъ, которые раньше его рѣшили задачу. Онъ принялся добывать себѣ хлѣбъ мелкимъ воровствомъ. Попадалъ въ тюрьму, потомъ опять принимался за старое дѣло и опять въ тюрьму. Сколько разъ у него была мысль о томъ, чтобы взяться за честную работу! Сколько разъ ему даже удавалось начать ее,—но скоро узнавали, кто онъ, откуда вышелъ, и ему отказывали и опять выгоняли на улицу. Вѣчный страхъ за свою жизнь, боязнь всего и всѣхъ, вѣчная

*) *Каинъ и Артемъ, разсказъ.*

оглядка и притомъ всегда одинъ и одинъ.... Товарищи по ремеслу не могли быть его друзьями. Всѣ они смотрѣли на одинъ и тотъ-же кусокъ, всѣ были голодны. *).

*
* *

Эти дѣти не могутъ быть иными. Вѣдь они родились въ атмосферѣ порока, воспитались въ средѣ, въ которой цѣломудріе невозможно, жили въ условіяхъ, превращающихъ порокъ во вторую натуру. (*Бутсъ. Трѣцубы Англіи 106 стр.*)

Статистика вполнѣ подтверждаетъ все вышесказанное. Она показываетъ, что дѣти неизвѣстныхъ родителей представляютъ главную часть населенія исправительныхъ домовъ, тюремъ, каторги и домовъ терпимости.

По даннымъ Неклюдова (94 табл. угол. стат. эт.), также профессора Богдановича, $\frac{7}{10}$ всѣхъ малолѣтнихъ преступниковъ были, какъ лишняя обуза, брошены на произволъ судьбы и приняты подъ чужой кровъ.

По даннымъ Штарке,—среди законорожденныхъ малолѣтнихъ, отбывающихъ наказаніе въ берлинской тюрьмѣ, 57% были осиротѣвшими.

По даннымъ директора нейембургской тюрьмы, д-ра Гійома, изъ 1280 заключенныхъ

*) *Потапенко. Жертва, рассказъ.*

нейембургской тюрьмы, только $\frac{1}{20}$ жила у родителей до пятилѣтняго возраста.

По мнѣнію Ферріани, незаконнорожденные дѣти совершаютъ вдвое, а дѣти неизвѣстныхъ родителей въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе преступленій, чѣмъ дѣти, рожденные въ бракѣ.

По даннымъ Корна, среди 8006 малолѣтнихъ преступниковъ, бывшихъ въ заключеніи во всей Франціи 31-го Декабря 1864 г., было 60% незаконнорожденныхъ или неизвѣстнаго происхожденія; изъ нихъ 38, 5% происходили отъ бродягъ и проститутокъ или такихъ, которыя впослѣдствіи стали публичными женщинами.

По отчету тюремнаго общества въ Нью-паркѣ за 1865 г. изъ 630 заключенныхъ 331, т. е. 54% не имѣли родителей.

По даннымъ Липперта, среди проститутокъ 30% незаконнорожденныхъ.

Паранъ-Дюшатлэ нашелъ среди 2700 проститутокъ 1255 сиротъ, которыя отдались этому промыслу вслѣдствіе полной безпомощности и отчаянія. (*La prostitution dans la ville Paris*). Хорошая домашняя среда, по сло-

вамъ Алимена, встрѣчается только въ числѣ 7 или 8 разъ на 100.

Статистика Reformatory въ Ельмирѣ дасть намъ слѣдующія свѣдѣнія объ родителяхъ молодежи, заключенной въ этомъ исправительномъ заведеніи: 38⁰/₀—алкоголики, 54⁰/₀—домашняя среда крайне вредная, 38 и 39⁰/₀—среда просто вредная.

* *
*

Можно безконечно увеличить эти данныя, иллюстрирующія горькую исповѣдь многихъ десятковъ тысячъ людей, на которыхъ не обращали вниманія въ дни ихъ дѣтства.

Въ какой бы вертепъ мы ни заглянули вездѣ встрѣтимъ дѣтей. Дѣти развратничаютъ, пьянствуютъ, мошенничаютъ, голодаютъ крадутъ вмѣстѣ съ взрослыми.

Справедливо къмъ то было сказано: человекъ, который постоянно дѣлаетъ зло, понемногу теряетъ всякое сознаніе того, что онъ дѣлаетъ зло и въ концѣ концовъ начинаетъ вѣрить, что онъ дѣлаетъ добро.

Это вполне понятно. Каждый поступокъ

кладеть основу какой нибудь привычкѣ, оставляетъ послѣ себя склонность; вторичное совершеніе того-же самого уже легче, чѣмъ въ первый разъ и чѣмъ чаще происходитъ поступокъ, тѣмъ онъ понятнѣе, тѣмъ совершеніе его менѣе подлежитъ колебанію и сомнѣнію.

Я знаю біографіи многихъ преступниковъ и нахожу, что въ общемъ, а иной разъ и въ деталяхъ, сходны со слѣдующей біографіей одного преступника въ рассказѣ В. Гюго. *)

Такъ то, братецъ, продолжалъ онъ,—ничего нѣтъ проще моей исторіи. Хочешь, я тебѣ ее расскажу въ двухъ словахъ? Я сынъ извѣстнаго вора; жаль, что Шарло слишкомъ рано позаботился затянуть ему галстукъ. Это было въ тѣ времена, когда у насъ, милостью Божіей, еще царила висѣлица. Въ шесть лѣтъ я остался круглымъ сиротой. Лѣтомъ вертѣлся колесомъ въ придорожной пыли, выпрашивая копѣчку у дверецъ почтовыхъ каретъ; зимой почти голый шлепалъ босикомъ по грязи, да дулъ себѣ въ посинѣвшіе кулаки.

Въ девять лѣтъ началъ я, братецъ мой, уже запускать хапуна: то обчистишь бывало карманы, то, случалось, обдерешь кого какъ липку. Въ десять я былъ уже карманный воришка на славу; дальше—дальше, а тамъ приобрѣлъ кое какія знакомства и въ семнадцать лѣтъ вышелъ изъ меня заправскій мазурикъ. Сломать-ли замокъ, пустить-ли въ ходъ отмычку—для меня было плевое дѣло. Меня спапали, а такъ какъ я былъ совершеннолѣтній, то и отправили прямехонько

*) Послѣдній день приговореннаго къ смерти.

на галеры. Скверная, братъ, штука—каторга: спишь на голыхъ доскахъ, ѣшь и пьешь хлѣбъ да воду, да чортъ знаетъ для какой надобности таскаешь за собой это дурацкое ядро; а тутъ еще вѣчный страхъ, что тебя либо заколотятъ до смерти, либо солнечный ударъ хватить. Въдь брѣютъ—то насъ на—голо. Обрили и мои густыя, темныя кудри. Да ну ихъ къ чорту! Вотъ отбылъ, наконецъ, и я свой срокъ“.

„Велика ли штука пятнадцать лѣтъ въ эти-то годы! Мнѣ и всего—то на всего было тогда тридцать два. Въ одно прекрасное утро дали мнѣ въ руки подорожную, да шестьдесятъ шесть франковъ—мой заработокъ за пятнадцать лѣтъ труда по шестнадцати часовъ въ сутки, по тридцати дней въ мѣсяцъ и по двѣнадцати мѣсяцевъ въ году. Ну да что ужъ тамъ! Какъ никакъ, а съ моими шестьюдесятью шестью франками въ карманѣ задумалъ я стать чоловікомъ и право въ то время, подъ моими лохмотьями было больше благородныхъ побужденій и чувствъ, чѣмъ подъ любобою черной сутаной. Но у меня былъ, чортъ бы его побралъ, желтый паспортъ, гдѣ было прописано, что я *бывшій каторжникъ*. Вездѣ по дорогѣ пришлось показывать мой волчій билетъ, надо было его предъявлять еженедѣльно и мѣру той деревни, куда меня упрятали. Извѣстно ужъ, что это за рекомендація, каторжникъ! Взрослые боялись меня, какъ чумы, ребята разбѣгались при моемъ появленіи, двери захлапывались у меня подъ носомъ. Никто не хотѣлъ давать мнѣ работы. Такъ я проѣлъ мои шестьдесятъ шесть франковъ. А жить надо. Сталъ просить работы—какъ бы не такъ! Такъ мнѣ дали! Предлагалъ работать за пятнадцать, за десять, за пять су въ день—куда тамъ: никто и слушать не хочетъ! Что тутъ подѣлаешь? Вотъ разъ—очень ужъ я былъ голоденъ—выбилъ я окно въ булочной и схватилъ булку; а булочникъ возьми, да и схвати меня. Такъ я не попробовалъ этой булки, а на каторгу опять угодили, да еще на вѣчную каторгу, потому теперь я уже былъ клейменный.. Хочешь покажу? Три буквы выжжены на плечѣ каленымъ желѣзомъ..

У нихъ это называется *рецидивомъ*. Приходилось опять начинать сызнова. Свезли меня въ Тулонъ, на этотъ разъ, съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Вотъ и надумалъ я, братецъ, бѣжать. Для этого надо было просверлить три стѣны, да подпилить кандалы. Но у меня былъ гвоздь, и я бѣжалъ. Поднялась тревога, стали палить изъ пушекъ. Вѣдь мы каторжные, что твои кардиналы въ красныхъ мантияхъ: при нашемъ выѣздѣ стрѣляютъ изъ пушекъ. Только на этотъ разъ они стрѣляли изъ пушекъ по воробьямъ... Теперь не было у меня, правда, волчяго билета, но за то не было и гроша денегъ въ карманѣ. Повстрѣчалъ я кой кого изъ товарищей (одни отбыли свой срокъ, какъ и я, другіе бѣжали—опять какъ и я же), и предложилъ мнѣ ихъ голова пристать къ ихней шайкѣ. Они грабили на большой дорогѣ. Я согласился и началъ убивать добрыхъ людей, чтобы жить. Попадались намъ въ руки и дилижансы, и почтовые кареты, и барышники—какъ случалось. Деньги, разумѣется, мы отбирали, лошадей, экипажи бросали, а людей тутъ же гдѣ нибудь и закапывали, лишь бы не торчали поги, и хорошенько утаптывали землю, чтобы ничего не было примѣтно. Так-то вотъ я и состарился, живя по кустамъ подъ открытымъ небомъ, скитаясь, какъ звѣрь изъ одного лѣса въ другой. Но за то былъ я свободенъ и жилъ, какъ хстѣлъ. Однако всему приходитъ конецъ, хоть какой ни на есть, а все же конецъ. Въ одну прекрасную ночь насъ окружили жандармы. Наши ребята всѣ разбѣжались, а я—то былъ уже старъ и попалъ въ когти этихъ проклятыхъ кошекъ въ трехуголкахъ. Вотъ и привели меня раба Божія сюда. Я уже прошелъ всѣ ступени лѣстницы, кромѣ одной. Что вытащить изъ кармана платокъ, что убить человѣка—для меня было теперь все одно. Только мнѣ и оставалось наказанія—плаха, Пѣсенка моя спѣта. Да по правдѣ сказать, я и впрямь старъ сталъ, куда я гожусь? Отецъ взялъ за себя вдовушку, а мнѣ, видно, судьба кончить монастыремъ Безголовыхъ Отшельниковъ... Туда и дорога; видно отъ своей судьбы не уйдешь... Такъ-то, товарищъ“.

*
* *

Вліяють ли жестокія наказанія на уменьшеніе преступности? На этотъ вопросъ я получилъ отрицательный отвѣтъ. По мнѣнію преступниковъ, не суровость и жестокость придають наказанію устрашающую силу, а сознаніе о неизбѣжности наказанія. Каждый преступникъ старается избѣжать наказанія и въ силу этого главное вниманіе обращаетъ на уничтоженіе слѣдовъ преступленія. Чѣмъ строже наказаніе, тѣмъ больше онъ объ этомъ старается. Если воръ совершаетъ убійство, то это съ цѣлью избавиться отъ лишняго свидѣтеля.

Это прекрасно понимало французское законодательство, когда въ 1832 году замѣнило смертную казнь пожизненнымъ заключеніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: „угрожающей преступнику смертью законъ угрожаетъ лишней опасностью лицу, коего право собственности подверглось нападению; виновный, опасаясь большаго наказанія, посягаетъ на убійство, чтобы избавиться отъ свидѣтеля“.

Извѣстный криминалистъ Tallack кон-

статируетъ слѣдующее: вслѣдствіе чрезмѣрно строгихъ приговоровъ англійскихъ судей, осуждающихъ къ долгосрочному заключенію за похищеніе предметовъ незначительной цѣнности, воры при задержаніи ихъ полиціей все чаще и чаще пускаютъ въ ходъ огнестрѣльное оружіе.

*
* *

Principiis obsta: sero medicina paratur.

Овидіи.

Времена жестокихъ казней были и временами самыхъ звѣрскихъ преступленій.

Во время казни въ Англійи постоянно происходили многочисленные случаи воровства (воровство каралось смертной казнью) разныхъ вещей изъ кармановъ зрителей.

Твердо установлено, что молодые преступники, подвергавшіеся наказанію розгами, чаще другихъ становятся рецидивистами.

По согласному утвержденію директоровъ заведенія принудительнаго воспитанія, наиболѣе испорченнымъ и трудно подающимся элементомъ представляютъ въ пріютахъ и колоніяхъ тѣ воспитанники, которые имѣли

несчастье побывать въ тюрьмѣ и походить съ этапами.

Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ основу уголовной политики должны лечь не строгія репрессивныя мѣры, а слѣдующія слова Достоевскаго: „человѣческое обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускннулъ образъ Божій. Съ этими то несчастными и надо обращаться наиболѣе по человѣчески. Это спасеніе и радость ихъ“. *)

* *
*

Согласно ученію итальянской школы уг. права въ основѣ понятія о преступникѣ лежитъ необычайно сильное сочетаніе фізіологическихъ причинъ, толкающихъ на путь преступленія. Если бы оно было на самомъ дѣлѣ такъ, то нельзя было-бы объяснить слѣдующее явленіе: человѣкъ совершилъ преступленіе и затѣмъ въ теченіи всей своей жизни ведетъ себя не хуже тѣхъ, которые по законамъ всѣхъ государствъ имѣютъ право пользоваться свободой.

*) Записки изъ Мертваго дома 116 стр.

А между тѣмъ съ точки зрѣнія соціальной школы уголовнаго права это явленіе какъ нельзя болѣе удовлетворительно объясняется: другія условія жизни и борьбы за существованіе, другое воздѣйствіе внѣшнихъ обстоятельствъ—и преступникъ дѣлается мирнымъ гражданиномъ.

Примѣчаніе: Вспоминается очень удачное возраженіе, сдѣланное Наполеономъ I по отношенію къ френологіи и вполне примѣнимое къ итальянской школѣ: „Галль (творецъ френологіи), говоритъ онъ, приписываетъ дѣйствию природы зарожденіе наклонностей и преступныхъ побужденій, зависящихъ отъ условностей, созданныхъ обществомъ. Что-бы стало съ органомъ воровства, если-бы собственность была упразднена, съ органомъ нетрезвости, если бы перестали производить спиртные напитки? (*Baer. der Verbrecher. S. 16*)

Тайга, песокъ, кочки—вотъ ландшафтъ. Одно жильё отъ другого отстоитъ на разстояніи 40—50 и даже 200—300 верстъ. Жильё—это грязная лачужка—юрта, съ спертымъ, удушливымъ воздухомъ, съ пузырями (лѣтомъ) и льдинами (зимой) вмѣсто стеколъ. Въ одной изъ такихъ юртъ живетъ уже лѣтъ 15 русскій, сосланный за грабежъ.

Онъ совершенно акклиматизировался. Занимается скотоводствомъ. Питается, какъ и якуты, т. е. хаякомъ (якутское масло—*suí*

generis), тарой (скисшее молоко), стружками сосновой коры, и т. д. Хлѣба почти совсѣмъ не употребляютъ. Женать на якуткѣ, имѣеть дѣтей. Въ теченіи всего этого времени не совершилъ ни одного преступленія.

Въ далекомъ обширномъ вилюйскомъ округѣ я знаю нѣсколько десятковъ ссыльныхъ, живущихъ при подобныхъ условіяхъ.

* *
*

Преступникъ—звѣрь является, къ счастью, исключеніемъ. Но чѣмъ больше звѣрства я вижу въ немъ, тѣмъ отчетливѣе и яснѣе его понимаю, тѣмъ менѣе виню его. Такой взглядъ на преступника—звѣря обусловливается знаніемъ тѣхъ зловѣщихъ условій, которыя съ непреодолимой силой фабрикують преступника и слѣдующей безусловной истиной.

„Если-бы, я намѣренно беру крайній случай, мы были воспитаны въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, какъ улейныя пчелы, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что незамужнія женщины, подобно пчеламъ—работницамъ, считали—бы священнымъ долгомъ убивать своихъ братьевъ, матери стремились-

бы убивать своихъ плодовиныхъ дочерей и никто не подумалъ-бы протестовать противъ этого. Тѣмъ не менѣе ичела (или всякое другое общежительное животное) имѣла-бы въ приведенномъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, понятіе о добрѣ и злѣ, или совѣсть. *)

Ужасныя условія существованія людскаго муравейника—слишкомъ обширная тема, чтобы трактовать ее въ настоящемъ очеркѣ, но не могу отказать себѣ въ желаніи привести слѣдующія слова ученаго нѣмецкаго профессора Шмоллера.

„Благодаря квартирнымъ условіямъ, говоритъ онъ, общество принуждаетъ низшіе слои фабричнаго пролетаріата съ неизбѣжной необходимостью опуститься на ту степень варварства, скотства и жестокости, о которыхъ наши предки могли уже говорить, какъ о давно прошедшемъ.“

Марбургскій профессоръ Листъ, основатель международнаго общества криминалистовъ, говоритъ: индивидуальныя условія преступленія часто непосредственно сводятся

*) Дарвинъ. Происхождение человека и половой подборъ.

къ социальнымъ. Массовая нищета представляетъ благоприятную почву, на которой процвѣтаетъ не только само преступленіе, но и вырожденіе подъ вліяніемъ наслѣдственныхъ болѣзней, которое само по себѣ опять ведетъ къ преступленію.

* *
*

Личныя наблюденія надъ жизнью преступниковъ позволяютъ мнѣ безъ малѣйшаго колебанія сказать: *преступники—люди.*

Вспоминая наши измученныя, голодныя партіи арестантовъ съ ихъ разнообразными страстями, стремленіями и интересами,—у меня болитъ душа и я сочувствую Мельшину, когда онъ говоритъ: *)

„И такъ близки становятся снова всѣ эти „маракозы“, „тарбоганы“, „дюди“, всѣ эти голодные, дикіе невѣжественные, жестокіе, всѣ эти несчастные безъ конца люди, прежде всего и больше всего несчастные. Сердце опять болитъ и мучительно стонетъ... И хотѣлось-бы снова очутиться въ ихъ средѣ, снова дѣлать ихъ горькую участь, пытаться

*) Въ мірѣ отверженныхъ.

находить искру свѣта на днѣ ихъ душевнаго мрака.“

* *
*

Мы убѣждены, *что нѣтъ виноватыхъ*. Такой взглядъ основанъ не только на детерминизмѣ. Допустимъ на минуту недопустимое, т. е. что воля свободна. Развѣ отсюда слѣдуетъ, что преступникъ отвѣтственъ за свой поступокъ, что онъ виноватъ!

Нѣтъ!

Вполнѣ основательно замѣчаетъ Карѣевъ: дрянная натура найдетъ себѣ оправданіе и въ ученіи о свободѣ воли: вы говорите что воля свободна, т. е. что она дѣйствуетъ не по необходимости, а случайно. И я это признаю, но вы зачѣмъ же караете меня за поступокъ совершенно случайный, не стоящій ни въ какой причинной связи съ моимъ существомъ?

Но воля не свободна. Она обусловливается окружающей средой, какъ цвѣтъ искры—средой, въ которой она проявляется. Цвѣтъ бываетъ ослѣпительно бѣлый съ синеватымъ оттѣнкомъ въ сжатомъ воздухѣ, фіолетовый

въ разрѣженномъ, пурпуровый въ азотъ, зеленый въ углекислотъ и т. д.

Вопросъ о свободѣ воли называется извѣстнымъ англійскимъ психологомъ Бэномъ „ржавымъ замкомъ метафизики“, и мы вовсе не намѣрены витать въ ея дебряхъ.

Приводимъ мнѣнія Коркунова и Рилля по этому вопросу.

„Всѣ отношенія наши къ другимъ людямъ основаны на томъ предположеніи, что ихъ воля не свободна. Мы подмѣчаемъ ихъ характеръ, изучаемъ, какъ дѣйствуютъ на нихъ тѣ или другіе мотивы. и руководясь полученными этимъ путемъ данными, устраниваемъ свои къ нимъ отношенія. Будь воля свободна, никакія прочныя отношенія между людьми не были бы возможны. Мы бы не знали тогда, чего ждать отъ людей, не могли бы никакъ на нихъ воздѣйствовать. На томъ же предположеніи несвободы воли основано все искусство воспитанія. Если бы воля ребенка ничѣмъ не опредѣлялась, его бы нельзя было воспитывать“. *)

„Какое счастье что добрый человѣкъ долженъ дѣлать добро, что есть условія, при которыхъ добро необходимо, причины, которыя необходимо же ограничиваютъ и сдерживаютъ зло! Все это было бы невозможно будь человѣку предоставлено дѣйствовать или не дѣйствовать даже еще и послѣ того, какъ ужъ вполне опредѣлились всѣ причины для его дѣйствія. Объявляя практическую свободу человѣка условной, детерминизмъ возвыщаетъ ученіе, которое величайшей практической важности само. Мы должны познать ус-

*) Коркуновъ. Лекція по общей теоріи права. стр. 219 и 220.

ловія подѣ которыми стоитъ свобода наша, чтобы достигнуть свободы.

Какую охрану доставляла бы поддержка уголовного права, если-бы воля была исключеніемъ изъ законовъ причинности? Какъ подступились бы мы къ свободной волѣ со своими требованіями и притязаніями, или какъ бы стали вліять на нее мотивами? Практическіе успѣхи воспитанія и политики, фактическая охрана, доставляемая дѣйствіемъ уголовного права—все это экспериментъ доказательства явной несвободы воли*. *)

Человѣкъ отвѣтственъ въ силу жизни въ обществѣ и поступки вмѣняются изъ-за социальныхъ послѣдствій.

Дѣйствительно, если смотрѣть на наказаніе не какъ на мѣру общественнаго само-сохраненія, то какое право, какое основаніе мы имѣли бы лишать свободы умалишенныхъ, людей, одержимыхъ пироманіей, эротоманіей, клептоманіей, дипсоманіей, мономаніей человѣкоубійства, вообще душевно—болныхъ, лишенныхъ психологической устойчивости и координаціи?

Не ясно ли что въ такомъ случаѣ теряется почва для карательныхъ мѣръ за самыя жестокія преступленія, совершенныя ими.

*) Риль. *Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма*, стр. 305, 310, 311.

Повторяю, только понятіемъ соціальной отвѣтственности оправдывается отвѣтственность всякихъ виновниковъ, будутъ ли это душевно—больные или здоровые: потерпѣвшему не легче отъ того, что онъ пострадалъ отъ нравственно помѣшаннаго, а не отъ нормальнаго преступника.

* *
*

Глубокая жизненная правда заключается въ слѣдующихъ словахъ великаго и несчастнаго философа Ницше: *nenne mich nicht Verbrecher, sondern Brecher.*
